

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В КНР*

* *Ольга Исааковна Завьялова – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Центра изучения духовных цивилизаций Восточной Азии ИДВ РАН*

Наступивший 2010 г. официально объявлен Годом китайского языка в России. Это не только символично, но и оправданно с точки зрения того места, которое китайский язык приобретает в современном мире. Китайский – это крупнейший язык мира, он является родным для 1300 млн. чел. с учетом не только континентального Китая, но также и других китаезычных регионов мира. Вслед за китайским по численности говорящих следуют испанский и английский языки, но их в качестве родного используют всего лишь от 300 до 400 млн. чел. каждый. Вместе с самой древней и самой сложной иероглифической письменностью, которая на протяжении почти всего XX в. считалась несовместимой с любой модернизацией и подлежала отмене в ближайшем обозримом будущем, китайский язык уверенно вошел в мир информационных технологий. В 2009 г. число пользователей Интернета в континентальном Китае достигло 360 млн. чел. ¹

За тридцатилетний период «реформ и открытости» (改革开放 *гайгэ кайфан*) языковая политика и языковая наука стали частью всеобъемлющих преобразований экономики, социальной сферы, науки и культуры, превратились в одну из важных составляющих усилий по улучшению имиджа Китая за рубежом. Язык занимает в современном Китае чрезвычайно высокое место в системе духовных ценностей. Вместе с древнейшей иероглифической письменностью он воспринимается как носитель китайской цивилизации и гарантия сохранения национальной идентичности в условиях

глобализации. Традиционное конфуцианское уважение к языку и учености стали неременным условием национального возрождения.² «Изысканный язык 雅言 *я янь* – это носитель китайской цивилизации, классические тексты должны войти в жизнь каждого человека», – под этим лозунгом начиная с 2007 г. возобновляется обычай декламировать канонические тексты, которые древние китайцы считали написанными на «изысканном языке». Драгоценным нематериальным культурным наследием стали считаться также любые другие письменные памятники, варианты иероглифов и устные формы китайского языка. Все они подлежат изучению и сохранению, в том числе – если речь идет о современных диалектах – в звуковой форме на электронных носителях.³ Исполняющаяся на кантонском диалекте опера 越剧 *юэцзюй* и музыкальное представление 南音 *наньинь* на южнофуцзяньских диалектах включены не только в общегосударственный список нематериального культурного наследия КНР, но также в состав мирового культурного наследия ЮНЕСКО.⁴

Внимание к языковым проблемам было издавна характерно для китайского государства. Первая реформа иероглифической письменности приходится на 213 г. до н.э., когда объединивший Китай император Цинь Шихуан искоренил местные иероглифы, употреблявшиеся наряду с общекайтайскими в побежденных им царствах. Он же приказал своим приближенным составить новые нормативные своды иероглифов. В современном Китае языковыми проблемами занимается ряд государственных организаций, прежде всего – департаменты и отделы Министерства просвещения КНР и специальный Государственный комитет по работе в области языка и письменности (国家语言文字工作委员会 *Гоцзя юйянь вэньцзы гунцизо вэйюаньхуэй*). С 2006 г. издается ежегодник о языковой ситуации и языковой политике в КНР и в других китаеязычных регионах (первый выпуск посвящен 2005 г.).⁵ За период «реформ и открытости» были опубликованы десятки официальных документов, определяющих языковые

нормы и в том числе иероглифические стандарты, связанные с информационными технологиями. Рубеж второго и третьего тысячелетия символически ознаменован введением с 1 января 2001 г. первого в истории страны закона о языке и письменности (中华人民共和国国家通用语言文字法 *Чжунхуа жэньминь гунхэго гоцзя тунъюн юйянь вэньцзы фа* – Закон КНР об общегосударственном языке и письменности).

Традиционный инструмент кадровой политики в Китае – это гуманитарные официальные экзамены 科举 *кэцзюй*, которые сдавали желающие поступить на государственную службу. Важнейший для китайской государственности, культуры и менталитета институт *кэцзюй* зародился уже в период династии Хань (206 до н.э. – 220 н.э.) и был окончательно оформлен в 605 г. при династии Суй (581–618). Каждый экзамен – в зависимости успехов экзаменуемого – давал право замещать государственные должности определенного уровня. *Кэцзюй* просуществовали тринадцать веков с небольшим перерывом в период монгольской династии Юань (1271–1368), когда гонения на китайскую культуру и китайский язык повлияли на многие аспекты языковой ситуации в стране. Успех на экзаменах, в которых формально могли принимать участие простолюдины, зависел от знания наизусть, понимания и умения записать нормативными иероглифами классические тексты. В период династии Сун (960–1279) эти тексты были оформлены неоконфуцианцами в виде собрания тринадцати канонов – «Ши сань цзин» (《十三经》). При династии Тан (618–907) составной частью *кэцзюй* стало стихосложение, при этом фонетика, отраженная в официальных поэтических справочниках – словарях и таблицах рифм, составлявшихся по указам императоров, носила искусственный наддиалектный характер и отличалась от реального произношения – как столичного, менявшегося в зависимости от расположения столицы, так и регионального.

В 1905 г., в самом конце правления последней в Китае династии Цин (1644–1911), *кэцзюй* были официально отменены как не соответствующие своим архаичным гуманитарным содержанием задачам модернизации страны. Тем не менее, уже в 1928 г. правительством Китайской Республики по инициативе скончавшегося к тому времени Сунь Ятсена была предпринята попытка учредить специальный орган, ведающий экзаменами для государственных служащих – Экзаменационный юань (考试院 *Каоши юань*). В 1947 г., после окончания японской оккупации, этот орган был возрожден и до сих пор существует на Тайване, где регулярно проводятся модернизированные экзамены для поступающих на государственную службу.

В КНР столетие отмены традиционных *кэцзюй* было отмечено в 2005 г. серией публикаций, в которых подчеркивалось значение для китайского общества этого института выявления наиболее гуманитарно одаренных людей. Официальный экзамен для желающих поступить на государственную службу был введен здесь в 1995 г., уже в период политики «реформ и открытости». Наряду с профессиональными аспектами он включает лингвистическую составляющую. Соискатели должны владеть не только стандартной иероглифической письменностью (что, впрочем, естественно для людей с высшим образованием), но также и стандартным пекинским произношением, которое часто не знают даже образованные жители диалектных районов.

В 1994 г., в рамках государственной программы распространения *путунхуа*, в КНР был введен также особый языковой экзамен – «Тест на уровень знания *путунхуа*» (普通话水平测试 *Путунхуа шуйпин цэши*). Решение о введении теста было принято Государственным комитетом по работе в области языка и письменности, Государственным комитетом по образованию (с 1998 г. – Министерство образования) и Министерством по делам радиовещания, кино и телевидения. Из сотрудников этих же трех организаций был сформирован специальный межведомственный комитет, который занимается проблемами, связанными с централизованной

разработкой программ и организацией центров по приему теста. Утверждены три уровня владения *путунхуа*, с двумя подуровнями в каждом. В соответствии с законом о языке и письменности, в перспективе тест на уровень знания *путунхуа* должен стать обязательным для государственных служащих в КНР. К 2001 г. его сдали 5 млн. чел., в том числе преподаватели высших учебных заведений и дикторы радио и телевидения, к 2005 число сдавших достигло почти 18 млн.⁶ Начиная с 2008 г. в дополнение к тесту на уровень знания *путунхуа* экспериментально введен аналогичный экзамен, проверяющий уровень знания иероглифической письменности (汉字应用水平测试 *Ханьцзы инъюн шуйтин цэши*). В перспективе предполагается объединить языковые тесты в единый экзамен для государственных служащих.

Важнейшее направление языковой политики в КНР – мониторинг языка средств массовой информации.⁷ В 2004 г. Управлением языковой информации Министерства просвещения совместно с рядом высших учебных заведений создан Государственный центр мониторинга и изучения лингвистических ресурсов (国家语言资源监测与研究中心 *Гоцзя юйянь цзыюань юй яньцзю чжунсин*). Три из пяти отделов этого центра занимаются языком СМИ, остальные два ведают учебными материалами и языком зарубежных китайцев. Китайское деление СМИ на группы при этом не совпадает с западным, где по признаку носителя информации печатные издания противопоставлены электронным – радио, телевидению и Интернету. В основе китайской классификации лежит в первую очередь собственно лингвистический, принципиально важный для китайского языка признак – использование письменного или устного языка. Первая группа СМИ, которой занимается Центр, – печатные, иначе говоря, иероглифические издания. Радио и телевидение выделены в «устную» группу, к ней же по признаку «звучания» относят не только кино, но и театр. Специальный отдел занимается языком СМИ в Интернете и языком Интернета вообще с его разными составляющими. В ведении Центра

мониторинга и изучения лингвистических ресурсов находится также создание различных баз данных текстов на китайском языке. Результаты статистического анализа языка и письменности китайских СМИ – как печатных, так и электронных – публикуются в виде отдельного второго тома названного выше ежегодного издания, посвященного языковой ситуации в стране.

Последние три десятилетия реформ стали в КНР эпохой не только активной языковой политики государства, но также расцвета поддерживаемого им современного языкознания.⁸ Финансируемые из бюджетных источников лингвистические журналы исчисляются в КНР десятками: «Древнекитайский язык» и «Словарные исследования», «Диалекты» и «Обработка информации на китайском языке», «Культура китайских иероглифов» и «Современное языкознание»... Переиздаются труды выдающихся лингвистов XX в., посвященные различным проблемам китайского языкознания. Пожалуй, в прошлом никогда не выпускалось, в том числе специализированными лексикографическими издательствами, так много словарей – нормативных, двуязычных, диалектных, охватывающих разные периоды в развитии китайского языка. В мае 2009 г. издательство «Шанхай вайюй цзяюй чубаньшэ» (上海外语教育出版社 – «Шанхайское издательство литературы о преподавании иностранных языков») выпустило новый фундаментальный «Большой китайско-русский словарь» (《汉俄大词典》 «Ханьэ да цыдянь»), над которым в течение двадцати лет работали лексикографы из Шанхайского института иностранных языков. В том же 2009 г. в рамках наметившегося сближения КНР и Тайваня в области культуры принято решение подготовить новое фундаментальное издание – «Большой китайский словарь» (《中华大词典》 «Чжунхуа да цыдянь»), который призван выработать единые лексические нормы для тех вариантов официального китайского языка, которые употребляются в КНР (普通话 *путунхуа*) и на Тайване (国语 *гоюй*). Среди крупнейших достижений

китайских языковедов надо также упомянуть подготовленный в 1990-е гг. «Большой словарь диалектов современного китайского языка» (《现代汉语方言大词典》 «Ханьюй фанъянь да цыдянь»), охвативший 41 пункт в разных районах Китая. Работу над этим фундаментальным изданием возглавлял выдающийся лингвист старшего поколения профессор Ли Жун.⁹

Новое отношение властей КНР к тысячелетнему культурному наследию страны включая его языковую составляющую позволила по-иному взглянуть также и на те языковые реформы, которые предпринимались в первые десятилетия после создания КНР. В 1955 г. состоялись две научные конференции, определившие задачи языковой политики на ближайшее будущее. Активное участие в реформах приняли советские ученые, использовавшие обширный опыт языкового строительства в СССР, с одной стороны, и создания «нового» латинизированного письма для китайского языка в начале 1930-х гг., с другой. В 1954 г. был создан Комитет по реформе китайской письменности (文字改革委员会 *Вэньцзы гайгэ вэйюаньхуэй*; в 1985 г. в связи с изменением приоритетов языковой политики он был переименован в Государственный комитет по работе в области языка и письменности). Официально достижения ученых-языковедов первых лет существования КНР получили высокую оценку с началом периода «реформ и открытости». Юбилеи лингвистических событий полувековой давности были отмечены серией торжественных мероприятий и публикаций. Тем не менее, на практике как по своему содержанию, так и по методам современная языковая политика заметно отличается от той, которая проводилась в середине прошлого столетия.

Важнейшая составляющая преобразований 1950-х–1960-х гг., активно обсуждаемая в современных лингвистических кругах – введение упрощенных вариантов написания 2236 иероглифов, которое предопределило облик иероглифической письменности в континентальном Китае. Реформаторы середины XX в. считали, что китайская письменность в конечном итоге должна пойти по общемировому алфавитному пути. В связи

с этим на какой-то период – в частности, для решения проблемы ликвидации неграмотности среди населения, – было предложено упростить наиболее сложные иероглифы и сократить их число, объединив некоторые одинаково читающиеся знаки. В ходе реформы не учитывалась ни современная практика употребления тех же китайских иероглифов в иных языках (японский и корейский), ни проблема языкового единства собственно китаезычных регионов. В результате, только в текстах на современном китайском языке используется несколько разных наборов иероглифов.

Первый набор – условно назовем его континентальным – включает оставшиеся неизменными традиционные знаки в сочетании с новыми упрощенными. Он употребляется в континентальном Китае, Сингапуре и других странах ЮВА, в документах ООН на китайском языке, получает все большее распространение среди китайских эмигрантов в разных странах мира. Второй набор (только традиционные знаки без упрощений, введенных в КНР) пока официально сохраняется на Тайване. Третий (те же традиционные знаки, но в сочетании с диалектными кантонскими иероглифами) используется в Гонконге и Макао. И, наконец, четвертый (континентальный набор в сочетании с диалектными кантонскими иероглифами) имеет хождение в Гуанчжоу (Кантоне), где издаются кантонские тексты, главным образом учебники для китайцев – выходцев из других районов, а также для иностранцев. Особая область нестандартного, даже хаотического употребления иероглифов в сочетании с алфавитом – тайваньская литература на диалектах.

Между тем в информационную эру на первый план вышла проблема не столько упрощения написания и сокращения числа иероглифов, сколько достижения единства и единообразия иероглифической письменности. Обогащение современной лексики в условиях глобализации и научно-технического прогресса, насыщение ее элементами классического языка *вэньянь* все равно приводит к увеличению числа иероглифов, которые реально употребляются в печатных и электронных изданиях. В публикациях

современных китайских лингвистов уже появились сожаления о введении упрощенных начертаний иероглифов, разрушивших складывавшуюся на протяжении тысячелетий систему китайской письменности. В рамках политики возрождения традиционной культуры дискуссия и электронный опрос общественного мнения по поводу отмены упрощений стали возможными даже на сайте Государственного комитета по работе в области языка и письменности. Тем не менее, официальная точка зрения остается в КНР неизменной: введенные полвека назад упрощенные иероглифы будут и впредь употребляться в текстах на современном китайском языке. Одновременно в КНР поставлена задача вести дальнейшую работу по нормализации письменности и составлять стандартизированные своды иероглифов разного объема и назначения с учетом новых языковых реалий, но без отмены упрощений.

На Тайване также не могли далее игнорировать тот вариант письменности, который употребляется миллиардным населением на континенте. Упрощенные иероглифы используют там в неофициальных текстах, написанных от руки, их также не могут не преподавать иностранным студентам, которые приезжают на Тайвань изучать китайский язык. С 1 января 2009 г. на острове уже официально введен китайский алфавит *ханьюй пиньинь* в качестве единственного средства записи китайских слов латинскими буквами. С одной стороны, в декабре 2009 г. президент Тайваня Ма Инцзю вновь вернулся к давней идее, выдвинутой его соратником по партии Гоминьдан Овидом Цзэном – обратиться в ЮНЕСКО с предложением объявить традиционный вариант иероглифической письменности «нематериальным культурным наследием мирового значения». С другой, летом того же 2009 г. Ма Инцзю предложил компромиссную формулу, которая может примирить письменные системы, использующиеся в двух регионах: 識正書簡 *ши чжэн шу цзянь* «уметь прочесть правильные, но употреблять на письме упрощенные» (при цитировании Ма Инцзю на континенте иероглиф 正 *чжэн* был заменен на иероглиф 繁 *фань* «полные»).

В случае успеха предложенной реформы будет в неприкосновенности сохранено великое иероглифическое наследие в печатных текстах и одновременно упростится употребление иероглифов на письме.

Нормализация иероглифической письменности – это только одна из важных составляющих языковой политики в КНР. По-прежнему актуальной остается вторая задача, о которой много говорили и писали в первые годы существования КНР – распространение в диалектных районах устной формы официального языка *путунхуа*, который был призван постепенно вытеснить диалекты. По данным первого общекитайского обследования, проведенного в 2004 г., лишь 53% населения КНР могут объясняться на *путунхуа* в начале XXI в., для молодых людей в возрасте от 15 до 29 лет эта цифра, правда, возрастает до 70%. *Путунхуа* и диалекты, считают современные китайские ученые, обречены на долгое сосуществование. Все чаще диалекты воспринимаются в КНР как особые разновидности китайского языка, имеющие самостоятельную культурную и научную ценность вне связи с решением проблем распространения единого устного средства общения. Сохранение и изучение китайских диалектов считается в тем более актуальным, что некоторые их разновидности с малым числом говорящих начинают бесследно исчезать.¹⁰ В 1987 г. появилось лингвогеографическое обобщающее исследование – «Атлас языков Китая» (《中国语言地图集》 «Чжунго юйянь дитуцзи»), новый переработанный вариант которого подготовлен в 2008 г. к печати с учетом материалов последних лет. В 2008 г. уже опубликовано беспрецедентное для китайской диалектологии издание – трехтомный «Атлас диалектов китайского языка» (《汉语方言地图集》 «Ханьюй фанъянь дитуцзи») под общей редакцией профессора Цао Чжиюня из Института языкознания АОН КНР. Этот атлас включает 511 карт, на каждой карте отражены данные по диалектной фонетике, лексике или грамматике 930 пунктов, охватывающих все «четыре региона по обе стороны пролива» – континентальный Китай, Гонконг, Макао и Тайвань.¹¹

Растущее внимание уделяется властями КНР распространению китайского языка в мире – оно считается составной частью «мягкой силы» и формирования положительного образа страны.¹² В 1984 г. при Министерстве образования КНР создана Канцелярия по делам распространения китайского языка за рубежом (中国国家汉语国际推广领导小组 *Чжунго гоцзя ханьюй гоцзи туйгуан линдао сяоцзу*, сокращенно «Ханьбань»). По образцу британского TOEFL учрежден официальный экзамен на знание китайского языка как иностранного, который с 1992 г. можно сдать как в КНР, так и за ее пределами. По данным на ноябрь 2009 г. за пределами Китая более 40 млн. иностранцев изучают китайский язык. Одной из важнейших задач на государственном уровне считается распространение китайского языка и культуры среди детей недавних эмигрантов, а также потомков более ранних переселенцев, которые уже утратили китайский язык. С 2004 г. Канцелярия открывает за границей учебно-информационные центры – Институты Конфуция, названные именем великого мудреца древности. К апрелю 2009 г. в мире действовало 326 институтов или классов Конфуция, к октябрю того же года – уже 523, в том числе 282 института. В России к этому же времени было основано 12 институтов Конфуция и 2 класса.¹³ В 2008 г. китайский язык преподавали в 3500 высших учебных заведениях разных стран мира, в 2010 г. общее число студентов и аспирантов, изучающих китайский язык в 100 российских ВУЗах превысило 10 тыс. чел.¹⁴

Между тем, наша страна имеет давние славные традиции практического и научного изучения китайского языка. Развитию российской синологии, включая ее лингвистическую составляющую, посвящены многочисленные работы отечественных китаеведов.¹⁵ Детальный анализ отечественного китаеведения вплоть до 1917 г., основанный на общедоступных и ранее неизвестных данных, содержится в недавно опубликованной обширной монографии китайского исследователя-русиста Янь Годуна.¹⁶

До середины XIX в. основным источником достоверных сведений о Китае, закрытом тогда для постоянных посольств других государств, но не для духовных лиц служила Российская духовная миссия в Пекине. Она была основана по инициативе Петра Первого в 1715 г. В 1729 г. цинский император Шицзун, правивший под девизом Юнчжэн, впервые в истории назначил учителей китайского и маньчжурского языков для учеников второй миссии (1729–1735). Само по себе обучение у китайских преподавателей было построено поначалу на традиционных методах – заучивании наизусть стихотворных сводов иероглифов и классических текстов. В обучении приходилось пользоваться китайско-латинскими словарями, составленными западными миссионерами. Китайский язык позволял россиянам общаться с местными людьми и проникнуть в огромный незнакомый мир соседней страны, маньчжурский в качестве государственного языка цинской империи служил инструментом дипломатических отношений, в то время как языком-посредником при контактах России с Китаем долгое время являлся монгольский.

Один из учеников второй миссии – И.Л. Рассохин (также Россохин, 1717–1761) в 1741 г. стал первым россиянином, преподававшим китайский язык в России, он же предложил вариант русской транскрипции для китайских слов. Немного раньше, в 1738 г., впервые в России китайский язык в новой столице Петербург и в московской конторе Коллегии иностранных дел начал преподавать крещеный китаец Чжу Гэ (Федор Петров Джога). Среди московских учеников Чжу Гэ был, в частности, А.Л. Леонтьев (1716–1786), который после обучения у Джоги был отправлен учеником Второй духовной миссии в Пекине. В Китае Леонтьев составил русско-маньчжурско-китайский разговорник и после возвращения в Россию был сначала переводчиком с маньчжурским языком и затем учителем школы китайского и маньчжурского языков при Коллегии иностранных дел.¹⁷

Первая в России кафедра китайского языка, которую возглавил один из бывших членов Российской духовной миссии в Пекине Д.П. Сивиллов

(архимандрит Даниил, 1798–1871), была открыта на восточном факультете Казанского университета в 1837 г. В 1855 г., после основания факультета восточных языков в Петербурге, преподаватели кафедры переехали в столицу, туда же были перевезены востоковедные фонды и учебные пособия. В Казани, в семинарии и Духовной академии начинали свой путь основатели научного китаеведения в России – Н.Я. Бичурин (о. Иакинф, 1777–1853) и П.И. Кафаров (архимандрит Палладий, 1817–1878).

В 1835 г. в пограничном русском городке Кяхта, служившем в то время основным центром торговли с Китаем, по инициативе о. Иакинфа было официально открыто училище китайского языка, «столь нужное для ежедневных торговых сношений». Специально для училища Бичурин написал и издал первую китайскую грамматику на русском языке (*«Хань-вынь-ци-мын. Китайская грамматика ...»*. СПб., 1838). Грамматика Бичурина служила пособием по изучению китайского языка не только в Кяхтинском училище, но и в Казанском, а затем Петербургском университетах.

Среди многочисленных достижений российских синологов XIX в. выделяются две уникальные лингвистические разработки мирового значения. Усилиями прежде всего Бичурина и Кафарова была изобретена система записи китайских слов, которую принято называть «традиционной русской» или «палладиевской» транскрипцией. С незначительными изменениями эта система и в наше время используется на российских географических картах и вообще для передачи китайских имен собственных и терминов в любых современных текстах на русском языке. Второе и еще более оригинальное достижение российского китаеведения второй половины XIX в. – особый метод расположения и поиска иероглифов в словарях, отличавшийся от всех существующих китайских. Он был изобретен в 1866 г. академиком В.П. Васильевым (1818–1900), который стал заведующим кафедрой китайского и маньчжурского языков Петербургского университета после перевода туда восточного факультета из Казани в 1855 г. Позже метод совершенствовался

и применялся в разных китайско-русских словарях и в том числе в знаменитом четырехтомном под редакцией профессора И.М. Ошанина.

Советский период можно назвать временем расцвета китаеведного языкознания в нашей стране. Монографии и статьи, словари и справочники, хрестоматии и учебники, изданные главным образом во второй половине XX в., насчитывают сотни названий. Внимание к изучению китайского языка в его разных аспектах не в последнюю очередь объяснялось политическими, экономическими и военными интересами Советского Союза. В «коминтерновский период» 1920–40-х гг. переводы на китайский язык классиков марксизма-ленинизма, наставлений по боевой технике, а также обучение сотен китайских студентов и курсантов в советских учебных заведениях требовали методической, учебной и справочной литературы. Масштабная помощь СССР в первые годы существования КНР вызвала рост числа изучающих китайский язык в ВУЗах и специализированных учебных заведениях, привела к появлению новых учебников, в том числе, например, учебника по становлению русского произношения китайским студентам, переведенного на китайский язык. «Языкового сопровождения» потребовало также и резкое ухудшение отношений между Москвой и Пекином в 1960–80-е гг. – резко выросла численность китаеязычных пропагандистских и военных кадров.

Прикладная лингвистика в какой-то степени стимулировала фундаментальные исследования в области китайского языкознания. И все же их расцвет в советский период не в последнюю очередь был связан с общим развитием фундаментальной науки в СССР. Были созданы крупные научные китаеведные школы – московская и ленинградская, накоплены богатейшие библиотечные фонды. Советские ученые, в том числе работающие в университетах и ряде институтов Академии наук СССР, занимались самыми разными теоретическими проблемами китайского языкознания. Объектом их исследований был как современный

официальный язык *путунхуа*, так и китайские диалекты, носители которых не понимают друг друга без специальной подготовки.

В настоящее время интерес к теоретическому (но не практическому) китайскому языкознанию похоже упал как в нашей стране, так и в какой-то степени на Западе, хотя и сохраняется на очень высоком уровне в самом Китае. Тем не менее, результаты фундаментальных исследований отечественных синологов не только по-прежнему используются в обучении китайскому языку и создании соответствующих пособий, но также имеют более широкое значение. Именно по этой причине, несмотря на переориентацию современной китайской лингвистики на западную науку, работы советских синологов до сих пор цитируются в самом Китае. Исследования отечественных лингвистов представлены также в обзорах, помещенных в двух из пяти томов уникальной энциклопедии «Духовная культура Китая». Она подготовлена Институтом Дальнего Востока РАН и выпущена издательством «Восточная литература» в 2006–2009 гг. По замыслу своих создателей энциклопедия должна стать суммой всех знаний, которые были накоплены в отечественной синологии. Хочется надеяться, что о достижениях и перспективах отечественного китаеведного языкознания еще не раз пойдет речь также и на мероприятиях в рамках Года китайского языка в России.

¹ http://russian.news.cn/economic/2009-11/03/c_1378126.htm.

² 王登峰: 《重拾中华经典, 复兴中华文化》 – Ван Дэпфэн. Чунши чжунхуа цзиндянь, фусин чжунхуа вэньхуа (Приведем в порядок китайские классические памятники, возродим китайскую культуру) // Юйвэнь цзяньшэ. 2008, № 7–8; О.И. Завьялова. Китайский язык в период реформ и открытости // Китай: поиск гармонии. К 75-летию академика М.Л. Титаренко. М., 2009. С. 492–499.

³ 《中国语言生活状况报告(2007)》 – Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао (2007) (Доклад о языковой ситуации в Китае в 2007 г.). Пекин, 2008. Т. 1. С. 026–027; 《中国语言生活状况报告(2008)》 – Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао (2008) (Доклад о языковой ситуации в Китае в 2008 г.). Пекин, 2009. Т. 1. С. 171–186.

⁴ www.unesco.org/culture/ich/index.php?RL=00203;
[www.unesco.org/culture/ich/index.php?RL=00199.](http://www.unesco.org/culture/ich/index.php?RL=00199)

- ⁵ 《中国语言生活状况报告(2005)》 – Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао (2005) (Доклад о языковой ситуации в Китае в 2005 г.). Пекин, 2006. Т. 1–2.
- ⁶ Там же. С. 092.
- ⁷ 李玉明: 《中国语言规划论》 – Ли Юймин. Чжунго юйянь гуйхуа лунь (О языковом планировании в Китае). Чанчунь, 2005. С. 219–225.
- ⁸ О.И. Завьялова. Китайские диалекты и современное языкознание в КНР // Вопросы языкознания. 2009, № 6. С. 102–108; она же. Современное языкознание (1970-е – начало XXI в.) // Духовная культура Китая. Т. 5. 2009. С. 520–528; она же. Китайское лингвистическое чудо // Независимая газета. 28.01.2009 – http://www.ng.ru/science/2009-01-28/11_china.html.
- ⁹ 《现代汉语方言大词典》 – Сяньдай ханьюй фаньянь дацзыдянь (Большой словарь диалектов современного китайского языка) / Ред. 李荣 Ли Жун. Т. 1–6. Нанкин, 2002.
- ¹⁰ Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао (2007). С. 002–003.
- ¹¹ 《汉语方言地图集》 – Ханьюй фаньянь дитуцзи (Атлас китайских диалектов) / Ред. 曹志耘 Цао Чжюнь. Т. 1–3. Пекин, 2008.
- ¹² О.И. Завьялова. Язык – это мягкая сила // Независимая газета. 16.12.2009 – http://www.ng.ru/science/2009-12-16/9_language.html.
- ¹³ www.hanban.org/kzxy.php; www.hanban.org/kzxy_list2.php?country=RU&table1=europe.
- ¹⁴ http://russian.news.cn/dossiers/2010-03/24/c_13222304.htm; russian.news.cn/culture/2009-11/28/c_1397674.htm.
- ¹⁵ В числе этих работ – монография знаменитая библиография дореволюционных работ отечественных синологов П.Е. Скачкова (*П.Е. Скачков*. Библиография Китая. М., 1960; *он же*. Очерки истории российского китаеведения. М., 1977); сборники статей при участии и под редакцией А.Н. Хохлова и его же многочисленные публикации на разные темы, связанные с историей отечественного китаеведения (см., например, Н.Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение: К 200-летию со дня рождения. Материалы конференции / сост. А.Н. Хохлов. Часть 1–2. М., 1977); недавно опубликованное специальное исследование В.Г. Дацышена о китайском языке в России (*В.Г. Дацышен*. История изучения китайского языка в Российской империи. Красноярск, 2002; электронный вариант – www.tuad.nsk.ru/~history/Author/Russ/D/DacishenVG/lingvo/index.html).
- ¹⁶ 阎国栋: 《俄国汉学史 (迄于 1917 年)》 – Янь Годун. Эго ханьсюэши (ци юй 1917 нянь) (История российского китаеведения до 1917 г.). Пекин, 2006.
- ¹⁷ В.Г. Дацышен. Указ. соч.